

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Л.А. АНДРЕЕВА

Култ революционных мучеников и култ В.И. Ленина

В статье рассматривается формирование квазирелигиозного культа революционного мученичества как одной из форм “переноса сакральности”. Рассматривается становление этого феномена начиная с эпохи Великой французской революции, затем – в народовольческом движении второй половины XIX в. в Российской империи. Особое внимание уделяется изучению биографии В. Ленина через призму народовольческих идеалов – прижизненное и посмертное восприятие его мучеником революции. С другой стороны, революционерам-мученикам противостояла искупительная жертва, которой в обоих случаях становился казненный монарх. Фактически революционеры-атеисты опирались на христианские стереотипы массового сознания, препарированные ими в своеобразную, квазирелигиозную сакральность.

Ключевые слова: култ революционных мучеников, сакральность, квазирелигиозность, “Народная воля”, революционеры, Российская империя, Ленин.

DOI: 10.31857/S086904990000387-7

Жертва и жертвенность – одни из ключевых культурных символов, с которых начинается процесс сотворения мифа. «Способность человеческого существа к жертве есть способ замещения некой изначальной природной данности символическим бытием, что, в свою очередь, представляет собой признак, определяющий понятие “антропологической реальности” в качестве указания на то, что есть Человек как особая реальность, полагающая нечто новое как мир истории. Специфика жертвенных механизмов состоит в том, что они являются не просто одним из факторов становления субъекта в истории. Будучи началообразующим, генетически определяющим, жертвенный акт “выпадает” из системы производящих им значений. И это подтверждается тем фактом, что жертвенные механизмы являются принципиально скрытыми структурами в жизни человека, ускользающими от прямого взгляда. Итак, жертвенный акт лежит в основании способности человека к символическому означиванию реальности» [Круглова 2013, с. 308].

А н д р е е в а Лариса Анатольевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина (Санкт-Петербург), ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН. Адрес: 196605, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское ш., д. 10. E-mail: larchen1969@gmail.com

Впервые культ революционных мучеников как “перенос сакральности” сложился во время Великой французской революции. Как замечает Л. Пименова, наряду с празднествами в честь Разума, в 1793–1794 гг. распространилось и почитание “мучеников свободы”. Их было трое: убитый Ш. Корде в июле 1793 г. Ж.-П. Марат, М. Лепелетье, убитый роялистом в январе 1793 г., и казненный в мятежном Лионе в июле того же года глава местных якобинцев М.-Ж. Шалье. «В отличие от культа Разума, поклонение “мученикам свободы” зародилось непосредственно в народной среде. Оно было ближе и понятнее народным низам, чем почитание слишком абстрактного для них Разума. Культ мучеников особенно усилился в разгар дехристианизации, когда с закрытием церквей на время было запрещено совершение католических обрядов. Отправляя новый культ, его приверженцы прославляли республику, причащались делу свободы и крепили свою революционную веру. При этом обряды в честь “мучеников свободы” совершались с поистине религиозной пышностью, с торжественными кортежами и участием хоров. В церквах, ставших храмами Разума, изображения католических святых сменились бюстами революционной троицы Марата, Лепелетье и Шалье... В частности, культ “мучеников свободы” был рожденной в ходе революции формой народной религиозности. Он возник, с одной стороны, благодаря популярности убитых якобинских вождей, в особенности “друга народа” Марата. С другой стороны, его истоками были христианский культ святых и поклонение мощам (почитатели “мучеников свободы” поклонялись не только их изображениям, но и останкам). Марат, Лепелетье и Шалье стали революционными святыми великомучениками и заступниками. Принимая рожденные революцией новые ценности и новых героев, народ выражал свое преклонение в привычных, традиционных формах» [Пименова 1992, с. 202].

Замечу, что культ революционных мучеников тесно связан с культом учредительной жертвы – принесения дара ради сотворения нового мира. Казнь Людовика XVI была именно актом учредительной жертвы Французской республики. Так, М. Робеспьер в одном из “Писем к своим доверителям” писал о казни короля, что этот великий акт справедливости привел в отчаяние аристократию, уничтожил веру в божественную природу монархии и основал Республику [Собуль 1974, с. 35].

Культ революционных мучеников в народническом движении второй половины XIX века

Квазирелигиозный культ революционных мучеников впервые отчетливо проявился в царской России в 60-е гг. XIX в. в среде революционеров-народников. Для них образцом стали декабристы. Профили пяти казненных декабристов – П. Пестеля, К. Рыльева, С. Муравьева-Апостола, М. Бестужева-Рюмина и П. Каховского – были изображены на титульном листе альманаха “Полярная звезда”, издававшегося в 1855–1869 гг. в Русской вольной типографии в Лондоне (позднее – в Женеве) А. Герценом и Н. Огаревым. Само название альманаха можно признать данью уважения и преклонения перед декабристами: ведь именно К. Рылеев и А. Бестужев (Марлинский) издавали в Санкт-Петербурге в 1822–1825 гг. литературный альманах с таким же названием. Революционная прокламация 1861 г., составленная М. Михайловым, с призывом свергнуть царизм заканчивалась словами, обращенными к учащейся молодежи: “Готовьтесь сами к этой роли, какую вам придется играть; зрите в этой мысли, составляйте кружки единомыслящих людей... увеличивайте число прозелитов, число кружков, ищите вожаков, способных и готовых на все, и да ведут их и вас на великое дело... а если нужно, то и на славную смерть за спасение отчизны, тени мучеников 14 декабря!” [Хрестоматия... 1990, с. 112–115].

Именно декабристы были первыми революционными мучениками, жизнью и страданиями заплатившими за свои убеждения. Можно согласиться с суждением В. и З. Жукоцких, что «в великом деле народно-освободительного движения русская интеллигенция видела свое историческое призвание, весь смысл своего существования в русской культуре и истории. Но, чтобы реализовать его в условиях деспотического государства с многовековой традицией самодержавия, нужно было “сжаться в комок”, стать общно-

стью, духовно организованной и морально дисциплинированной, по-своему жесткой и воинственной, нужно было стать “монашеским орденом” (Н. Бердяев). Тут сказалась глубинная православная основа русской души: уход из мира, во зле лежащего, аскеза, способность к жертве и перенесение мученичества. Это во многом объясняет ситуацию, по сути, религиозной адаптации народнических идей в России, а равно и тех общественно-политических образований, которые возникли как ее следствия» [Жукоцкий, Жукоцкая 2008, с. 90].

В 1866 г. была осуществлена первая попытка убийства Александра II Д. Каракозовым. Народники, перенимая традиции Великой французской революции, почти 15 лет стремились превратить гибель Александра II в учредительную жертву, подобную Людовику XVI. На суде подсудимые называли себя “нигилистами”, то есть отрицающими существующие порядки.

Князь-анархист П. Кропоткин писал в своих воспоминаниях, что “вся Россия читала с удивлением во время процесса каракозовцев, что подсудимые, владевшие значительными состояниями, жили по три, по четыре человека в одной комнате, никогда не расходовали больше чем по десяти рублей в месяц на каждого и все состояние отдавали на устройство кооперативных обществ, артелей, в которых сами работали” [Кропоткин 1988, с. 286]. Аскетизм рассматривался народниками как одно из необходимых условий успешного противостояния несправедливому государству, как добровольная жертва. Эта жертвенность воспринималась как добродетель, как добровольное принесение себя в жертву ради счастья народа, ради построения идеального социалистического общества.

Таким образом, уже в жизни первых революционеров четко просматривается идеология жертвенности как процесса отказа от более низшего, чтобы подняться к высокой и желаемой цели. Этот тип людей найдет отражение в произведениях и И. Тургенева, и Н. Чернышевского. Возникшее мощное движение нигилизма отрицало общественную мораль, традиции, устои самодержавной России. Главное в их мировоззрении – искренность во всем. Если человек проповедует идеалы справедливости, то и он в своей повседневной жизни сам должен следовать им. Отсюда беспощадная борьба с моралью государственного православия. Нигилисты признавали только один авторитет – разум [Кропоткин 1988, с. 284].

Мировоззренческая основа взглядов ведущих идеологов народничества была различной – позитивизм (Н. Михайловский и, отчасти, П. Лавров), материализм (П. Ткачев). Следует заметить, что позитивистская философия О. Конта оказала сильное влияние на народническое движение, явившись связующим звеном между теориями XVIII в. (Дж. Вико, А.-Р. Ж. Тюрго, Ж.-А.-Н. Кондорсе) и глобальной мировоззренческой теорией, зародившейся в середине XIX в., – диалектическим материализмом К. Маркса и Ф. Энгельса. В целом, была воспринята базовая идея Конта о трех стадиях интеллектуальной эволюции человечества (теологическая, метафизическая, позитивистская, или научная). Переход на позитивистскую стадию мышления влечет за собой переход к лучшему, позитивному государственному устройству, разработанному Контом в “Системе позитивной политики” [Comte 1851–1854]. Это будет рациональное, гармоничное общество, все члены которого живут друг для друга. В нем главным мотиватором будет религия, которая избавится от богов или Бога, писал тот же философ в “Катехизисе позитивной религии” [Comte 1852]. Позитивистское жречество станет проповедовать истину Разума и воспитывать в обществе дух коллективизма и сотрудничества. Раскол между верой и разумом будет преодолен. Главными адептами новой религии человекобожества окажутся ранее угнетаемые слои населения – пролетарии и женщины. Эти базовые постулаты философии Конта будут проявляться, осмысливаться, интерпретироваться в той или иной степени как в народническом движении, так и в русском марксизме.

Народничество как особое идейно-политическое направление в русской политической и правовой мысли возникло под воздействием общественной неудовлетворенности результатами крестьянской реформы 1861 г. Вера революционеров в построение идеального социалистического общества, хилиастическая по своей сути, берет начало именно тогда. Роман Чернышевского “Что делать?” стал настольной книгой нескольких поколе-

ний русских революционеров, в том числе В. Ленина. В чертах главного героя романа – Рахметова уже явственно просматривается новая революционная квазирелигиозность. Вера в идеальное будущее сопряжена с верой в “нового человека”, освобожденного от “грехов” прошлого. Рахметов становится для нескольких поколений русских революционеров эталоном “нового человека”. Он стремился овладеть знаниями, которые воспринимались как ключ к спасению, целенаправленно читал только ту литературу, которая базировалась на материалистическом мировоззрении (Л. Фейербах, Г. Бюхнер, К. Фохт). Именно материализм послужил Рахметову ключом к постижению абсолютной истины. Следует отметить как принципиально важный момент, что почти всю революционную русскую интеллигенцию XIX в.: революционно-демократическую (В. Белинский, А. Герцен, Н. Огарев, Н. Чернышевский, Н. Добролюбов, Д. Писарев), народническую (П. Лавров – частично, М. Бакунин, П. Ткачев) и социал-демократическую, ориентированную на марксизм (А. Потресов, П. Аксельрод, В. Ульянов (Ленин), Г. Плеханов, В. Засулич), – объединяло принятие материализма как фундамента мировоззрения.

Учение материализма – своего рода новое “Евангелие”, и Рахметов становится его адептом. Его облик внешне строится по канонам христианской аскезы: сон на гвоздях, отказ от личной жизни и общения с женщинами. Рахметов представляет собой квазирелигиозный тип нового социалистического “святого”. Термины “святой”, “пророк” обильно используются при разговоре о революционерах. Эту новую квазиреволюционную святость Чернышевский воспекает в религиозных выражениях типа “это соль соли земли” [Безансон 1998, с. 119]. Любопытно, что сохранились свидетельства о восприятии облика самого автора романа “Что делать?” некоторыми его современниками в категориях “святости”. Например, солдаты-конвоиры, препровождавшие Чернышевского в Сибирь, были поражены его нравственным обликом: “Нам говорили, что мы будем охранять страшного злодея-преступника, а это святой” [Дунаев 1997, с. 139].

Вокруг Рахметова возникает своеобразная секта приверженцев новой “благой вести” – социализма и материализма. Сектантский дух революционеров-народников с его претензией на исключительность своей роли, доктрины, активный прозелитизм новых адептов, фанатизм в отстаивании своей веры и неприятие других учений, харизматический характер лидерства будут впоследствии целиком восприняты большевизмом.

В 70–80-е гг. XIX в. в России уже не на страницах романа, а в жизни начал проявляться **квазирелигиозный культ революционных мучеников**. Это особенно наглядно проявилось в ходе судебного процесса по “делу 193” над революционерами-народниками, состоявшегося в Петербурге в 1877–1878 гг. К суду были привлечены участники “хождения в народ”, арестованные за революционную пропаганду в деревне в период с 1873 по 1877 г. К дознанию были привлечены 770 человек, к следствию – 265 человек, в результате жестоких условий содержания в тюрьме к началу процесса 43 из них скончались, 12 покончили с собой и 38 – сошли с ума [Стенографический... 1878]. Разбирательство происходило открыто, с участием присяжных, то есть правительство как бы делегировало третьим лицам право определить меру наказания арестованным. Защиту представлял цвет русской адвокатуры: В. Спасович, Д. Стасов, П. Александров, Е. Утин, В. Герард и др. Суд оправдал 90 из 193 участников “хождения в народ”, просидевших по три-четыре года в предварительном заключении, а для половины обвиняемых ходатайствовал о сокращении сроков наказания (включая приговоренных к каторге) [Кельнер 1991, с. 197–198]. Обвиняемые взяли на себя роль обвинителей. Подсудимый революционер-народник И. Мышкин (легендарная личность среди народников, известный попыткой освободить Чернышевского из тюрьмы в Сибири) обращался к суду со следующими словами: “Это не суд, а просто комедия или нечто худшее, более отвратительное, позорное... чем дом терпимости... осуждение такого суда – не клеймо, а удостоверение в принадлежности к числу людей, которые не погрязли окончательно в пошлых, мелочных, личных заботах, в погоне за наживой и чинами, а посвятили свои силы, в большей или меньшей степени, на служение обществу” [Яковлев 1906, с. 533]. Речь Мышкина, сразу опубликованная в мировой прессе (см. [Lavigne 1880; Arnaudo 1900]), а впоследствии нелегально напечатанная в России, нанесла ощутимый урон престижу царского ре-

жима. Характерен отзыв о речи Мышкина царского генерала: “Сотни нигилистов за целый год не могли сделать нам столько вреда, сколько нанес этот человек за один-единственный день” (цит. по [Степняк-Кравчинский 1963, с. 162]).

Для просвещенной России народники превратились в революционных святых: “Это святые... Они проповедовали любовь, равенство и братство” [Mahtieu 1974, p. 181]. Народоволец А. Михайлов накануне смертной казни написал в прощальном письме родным: “Своей судьбе, если позволит скромность, я могу улыбаться даже. Она приносит мне великое нравственное удовлетворение... Я отдал искренно, убежденно, веруя, все, что имел, моему богу... Вы сожалеете, мои родные, что я сбился с большой дороги. Позвольте, милые, напомнить вам слова великого законодателя нравственности и любви, в которого вы глубоко верите, слова о широком и тесном пути. Не все идут большими торными дорогами, идут некоторые и тесными, тернистыми” [Мухайлов 1917, с. 214–216].

В картинах И. Репина, посвященных революционерам-народникам (“Арест пропагандиста”, “Не ждали”, “Сходка”), отчетливо ощущается христианская реминисценция. “Такая трактовка событий отражала безоговорочную поддержку интеллигенцией борьбы народников, осужденных на громких судебных процессах 1870-х годов. Здесь сказывались и нравственная высота подсудимых, их самопожертвование и поддержка друг друга, их вера в свои цели и достоинство, с которым они держались на судах, а вместе с тем евангельская готовность принять страдания...”. К этому типу восприятия относится и лучшая из народовольческого цикла картина “Исповедь” [Поспелов 2017]. После царевубийства 1 марта 1881 г. акценты в восприятии народовольцев Репиным изменились. Однако в картинах “Не ждали” и “Сходка” Репин ставит персонажей в ситуацию, подобную “Узнаванию близкими воскресшего из мертвых” и “Тайной вечере”.

Именно в этот период начала складываться так называемая революционная агиография (жития “святых революционеров”). Одной из выдающихся работ подобного жанра стала книга революционера-народника С. Степняка-Кравчинского “Подпольная Россия”, впервые опубликованная в 1882 г. в Милане. Революционные “жития” новых святых культивировали фанатичную веру в новое (мифическое) общество и преданность делу революции, неотделимые от стремления к самопожертвованию, мученичеству, страданию за “веру”, что роднит адептов “новой веры” с ранними христианами. Вот как в “Подпольной России” описывается, например, казнь в 1879 г. в Киеве террориста-народовольца, члена “Земли и воли” В. Осинского: «В течение всех десяти дней, которые протекли между судом и казнью, он оставался совершенно спокойным, даже веселым. Он ободрял своих друзей и ни на миг не изменил себе... Накануне казни он написал друзьям длинное письмо, которое можно назвать его политическим завещанием. Он мало распространяется в нем о себе и своих чувствах. Поглощенный делом партии, он рассуждает о приемах борьбы... и предостерегает от повторения старых ошибок. Утром 14 мая его повели на казнь вместе с двумя товарищами, Антоновым и Брантнером... ему не завязали глаз, и он принужден был смотреть на предсмертные судороги своих друзей на виселице, на которую через несколько мгновений ему предстояло самому взойти... голова Валериана в пять минут побелела, как снег. Но его душевная сила осталась непоколебленной. Подлые жандармы подбежали к нему в этот момент, спрашивая, не хочет ли он просить о помиловании. Валериан прогнал их с негодованием и, отказавшись от помощи палача, твердым шагом поднялся по ступеням эшафота. К нему подошел священник с распятием. Энергическим жестом Осинский дал понять, что так же мало признает небесного царя, как и царей земных. По приказанию начальства военный оркестр заиграл “Камаринскую»» (цит. по [Степняк-Кравчинский 2014, с. 68]).

Заслуживает внимания “житие” Д. Лизогуба, казненного в 1879 г., которого Степняк-Кравчинский прямо называет “наш святой”: “Было бы слишком мало назвать Лизогуба чистейшим из людей, каких я когда-либо встречал. Скажу смело, что во всей партии не было и не могло быть человека, равного ему по совершенно идеальной нравственной красоте. Отречение от громадного состояния на пользу дела было далеко не высшим из проявлений его подвижничества... Под внешностью спокойной и ясной, как безоблачное небо, в нем скрывалась душа, полная огня и энтузиазма. Для него убеждения были рели-

гией, которой он посвящал не только всю свою жизнь, но, что гораздо труднее, каждое свое помышление: он ни о чем не думал, кроме служения делу. Семьи у него не было. Ни разу в жизни он не испытал любви к женщине. Его бережливость доходила до того, что друзья принуждены бывали заботиться, как бы он не заболел от чрезмерных лишений... Со скромностью истинной великой души он не видел ни малейшей заслуги в том, что ему казалось естественнейшей вещью в мире, – в отречении от своего богатства и жизни, полной лишений” (цит. по [Степняк-Кравчинский 2014, с. 68]).

Замечу, что среди революционеров-народников 70-х гг. XIX столетия 22% были выходцами из семей духовенства, в то время как доля духовенства во всем населении страны в 1870 г. составляла 0,9% [Миронов 2003, с. 107]. Религиозное мировосприятие, привитое в детстве, таким образом, легко трансформировалось в самые радикальные ментальные формы, чему способствовало то, что социализм с его идеей построения окончательного и совершенного миропорядка, искоренения зла и несправедливости путем тотального преобразования мира оказался психологически близок к христианству. В нелегальной газете революционеров-народников “Земля и воля”, издававшейся в 1878–1879 гг., социализм характеризовался как “высшая форма всеобщего, всечеловеческого счастья, какая только когда-либо вырабатывалась человеческим разумом, для него нет ни пола, ни возраста, ни религии, ни национальности, ни классов, ни сословий... только вера в свое служение всему человеческому способна возбудить тот пламенный, чисто религиозный фанатизм, который воодушевляет социалистов и делает их непобедимыми, потому что самые гонения превращаются для них в источник блаженства на земле – блаженства мученичества и самопожертвования” [Революционная... 1907, с. 73].

В. Фигнер писала: “Тот, кто подобно мне, был когда-либо под обаянием образа Христа, во имя идеи претерпевшего оскорбления, страдания и смерть, кто в детстве и юности считал его идеалом, а его жизнь – образцом самоотверженной любви, поймет настроение только что осужденного революционера, брошенного в живую могилу за дело народного освобождения... Идеи христианства, которые с колыбели сознательно и бессознательно прививаются всем нам, и история всех идейных подвижников внушают такому осужденному отрадное сознание, что наступил момент, когда делается проба человеку, испытывается сила его любви и твердости его духа как борца за те идеальные блага, завоевать которые он стремится не для своей преходящей личности, а для народа, для общества, для будущих поколений” [Фигнер 1964, с. 37].

Революции 1917 года и культ мучеников Революции

В октябре 1917 г. в России победил большевизм – наследник предшествующего этапа революционной борьбы. Большевизм сформировал уже свой культ мучеников Революции, во главе которого позже будет осмыслена фигура Ленина. Гражданская война с ее действительными зверствами формирует особый тип революционного мученичества (например, культ С. Лазо или В. Бонивура), неотделимый от приносимой ими учредительной жертвы (красный террор) ради построения нового мира. Именно в парадигме учредительной жертвы расстрел царской семьи и красный террор повторит события Великой французской революции.

Важно, что уже Февральская революция 1917 г. легализовала революционный культ борцов за свободу. На похоронах жертв Февральской революции 23 марта 1917 г. в Петрограде на Марсовом поле впервые легально прозвучал похоронный марш “Вы жертвою пали в борьбе роковой” – гимн революционным мученикам: “Вы жертвою пали в борьбе роковой / Любви беззаветной к народу, / Вы отдали всё, что могли, за него, / За жизнь его, честь и свободу. / Порой изнывали вы в тюрьмах сырых... / Свой суд беспощадный над вами / Судьи-палачи уж давно изрекли, / И шли вы, гремя кандалами... / Настанет пора – и проснется народ, / Великий, могучий, свободный! / Прощайте же, братья, вы честно прошли / Свой доблестный путь, благородный!”

Похороны жертв революции были организованы Петроградским советом. В траурной церемонии приняли участие до 800 тыс. человек. Церемония носила в основном свет-

ский характер. Орган Петроградского совета газета “Известия” писала: “Под гром пушек мы предаем сегодня земле тела наших братьев, павших в борьбе. Не впервые пролетариат опускает в могилу прах братьев... Но в первый раз российский пролетариат предаст погребению останки героев... с воинскими почестями, которых заслуживает их подвиг... Впервые день похорон становится для нас днем праздника... Так вечная память им, погибшим борцам жертвам Великой Русской Революции! Вечная память безвинно погибшим солдатам жертвам войны” (Известия, 23 марта 1917). Почти все манифестанты шли под красными флагами. Именно тогда красный флаг обрел статус общегосударственного символа. Планировалось, что на месте погребения будет возведено здание для парламента России, таким образом, сознательно соединяя сакральный центр и новое сооружение, легализирующее революционную власть. Это понимание уже тогда было зафиксировано: “Праздник годовщины великой пролетарской революции и в первую годовщину, и во вторую, и во все последующие будет начинаться с поклонения могилам героев революции... Нет ни одного честного пролетария, которого бы, проходя мимо братской могилы борцов за свободу, не охватывало какое-то особое состояние волнения. Что-то большое и глубокое наполняет всего тебя перед могилами тех, кто бессмертен. Что-то великое мощно зовет пойти по стопам зарытых в землю героев-борцов. Их судьба рождает зависть. Дух благородной ревности жив в каждом честном пролетарии, и не может он не родить этой зависти...” [Каплун 1919, с. 12–13].

Однако Марсову полю не суждено было выполнить функцию сакрального общероссийского пантеона новых святых – революционных мучеников: на смену Февральской революции пришла революция Октябрьская, и у нее появился свой пантеон – захоронение революционеров на Красной площади, где первые могилы появились в ноябре 1917 г., после подавления сопротивления юнкеров. “Объединяющими и интегрирующими силами этого культа являются мертвые. Могилы умерших – наиболее могущественные из видимых символов, объединяющих все деятельности обособленных групп сообщества. Кладбище и его могилы становятся объектами сакральных ритуалов” [Уорнер 2000, с. 311].

Ленин в речи на открытии мемориальной доски на братской могиле 7 ноября 1918 г. так охарактеризовал роль и место культа “революционных мучеников” в Советской России: «Лучшие люди из трудящихся масс отдали свою жизнь, начав восстание за освобождение народов от империализма, за прекращение войн между народами, за свержение господства капитала, за социализм. Товарищи! История России за целый ряд десятилетий нового времени показывает нам длинный *мартиролог революционеров* (курсив мой. – Л. А.)... Величайшая почесть, о которой мечтали революционные вожди человечества, оказалась их достоянием: эта почесть состояла в том, что по телам доблестно павших в бою товарищей прошли тысячи и миллионы новых борцов, столь же бесстрашных, обеспечивших этим героизмом массы победу. Товарищи! Почтим же память октябрьских борцов тем, что перед их памятником дадим себе клятву идти по их следам, подражать их бесстрашию, их героизму. Пусть их лозунг станет лозунгом нашим, лозунгом составших рабочих всех стран. Этот лозунг – “победа или смерть”. И с этим лозунгом борцы международной социалистической революции пролетариата будут непобедимы» [Ленин, с. 171].

А очевидец похорон Дж. Рид запечатлел разговор со студентом: “Молодой студент заговорил с нами по-немецки: “Это братская могила, – сказал он, – завтра мы похороним здесь пятьсот пролетариев, павших за революцию... Здесь, в этом священном месте, самом священном во всей России, похороним мы наших святых. Здесь, где находятся могилы царей, будет покоиться наш царь – народ...” [Рид 1987, с. 272].

Как замечает С. Еремеева, «таким образом, неожиданное на первый взгляд решение о создании некрополя в центре столиц рождается на перекрестке нескольких культурных контекстов: желания превратить в достойных и “правильных” покойников тех, кто погиб при смене власти (внецерковная религиозность); присвоения им значения героев, павших в боях за общее дело, и приравнивание их к военным героям, чей статус был к тому времени высок (идеология европейских национальных государств, в том числе и Рос-

сии). К этому же добавлялись обертоны христианской жертвы (православие). Это странное действо на Красной площади в шоковой ситуации смены власти, возможно, смогло удовлетворить наибольшее число людей. Авторитетность такой практики подтвердили позднейшие подражания ей на местах» [Еремеева 2014, с. 32].

Культ Ленина как революционного мученика

С первых дней Октябрьской революции стал складываться культ Ленина как вождя революции. Какое место в этом культе занимает революционное мученичество? Как уже упоминалось, колоссальное влияние на Ленина имел роман Чернышевского “Что делать?”. В разговоре с деятелем социал-демократического движения Н. Валентиновым Ленин так отозвался о писателе: «Я заявляю: недопустимо называть примитивным и бездарным “Что делать?”. Под его влиянием сотни людей делались революционерами. Могло ли это быть, если бы Чернышевский писал бездарно и примитивно? Он, например, увлек моего брата, он увлек и меня. Он меня всего глубоко перепахал. Когда вы читали “Что делать?”? Его бесполезно читать, если молоко на губах не обсохло. Роман Чернышевского слишком сложен, полон мыслей, чтобы его понять и оценить в раннем возрасте. Я сам попробовал его читать, кажется, в 14 лет. Это было никуда не годное, поверхностное чтение. А вот после казни брата, зная, что роман Чернышевского был одним из самых любимых его произведений, я взялся уже за настоящее чтение и просидел над ним не несколько дней, а недель. Только тогда я понял глубину. Это вещь, которая дает заряд на всю жизнь. Такого влияния бездарные произведения не имеют» [Валентинов 1953, с. 103]. Ленин считал, что “величайшая заслуга Чернышевского в том, что он не только показал, что всякий правильно думающий и действительно порядочный человек должен быть революционером, но и другое, еще более важное: каким должен быть революционер, каковы должны быть его правила, как к своей цели он должен идти, какими способами и средствами добиваться ее осуществления” [Валентинов 1992, с. 41].

Г. Чичерин, нарком иностранных дел РСФСР и СССР в 1918–1930 гг., так описывал Ленина: “Чему трудно было научиться у Владимира Ильича – настолько он в этом превосходил всех своих собеседников – это его умению во всем, до последних мелочей проводить полнейшую систематичность. Где бы он ни находился, вся его работа, весь день были всегда строго систематически распределены. Такая же строгая система господствовала в его книгах, в его бумагах, вообще во всей его личной жизни. И в нашей советской работе он был учителем строгого проведения систематичности... Все должно быть строго целесообразно... Думай только о деле, не думай о личных соображениях, пусть сознательно поставленная цель господствует над личными чувствами и над личными обстоятельствами – вот чему учились у него работавшие с ним... В лице Владимира Ильича мы имеем действительно неподражаемый образец представителя пролетарской культуры, культуры, основанной на точности знания, на рациональности всей человеческой работы, – одним словом, на господстве разума над природой и общественно урегулированно-го производства – над слепой стихией” [Чичерин 1924, с. 19–20].

Партийный деятель и дипломат В. Воровский так характеризовал Ленина: “Трудно представить себе более цельное сочетание в одном лице громадной мысли, могучей воли и великого чувства: Владимир Ильич как бы вытесан весь из одной глыбы, и нет в нем линий раскола. Все в нем сосредоточено, как бы пригнано к одной большой общей задаче – служению делу пролетариата и руководству им на пути к социализму. И с какой бы стороны вы ни подходили к нему, вы неизменно наткнетесь на ту же единую, но грандиозную идею, охватывающую его целиком и не оставляющую места другим интересам” [Воровский 1920, с. 15]. Интересна и характеристика, данная вождю большевиков, так сказать, с другой идеологической стороны, – Н. Бердяевым: “Ленин не был дурным человеком, в нем было и много хорошего. Он был бескорыстный человек, абсолютно преданный идее, он даже не был особенно честолюбивым и властолюбивым человеком, он мало думал о себе. Но исключительная одержимость одной идеей привела к страшному сужению сознания и к нравственному перерождению, к допущению совершенно без-

нравственных средств в борьбе. Ленин был человеком судьбы, роковой человек, в этом его сила” [Бердяев 1990, с. 97].

Адепт новой веры, подчинивший свою жизнь, все интересы проповеди “новой благой вести” – марксизму, таков психологический портрет Ленина, данный М. Горьким в очерке “Владимир Ильич Ленин”. Писатель отмечал, что “его личная жизнь такова, что в эпоху преобладания религиозных настроений Ленина могли бы назвать святым” [Горький 1924, с. 193].

Можно утверждать, что сложившийся в СССР псевдорелигиозный культ Ленина базировался на культе революционных мучеников. Отправной точкой зарождения культа Ленина стало покушение на него Ф. Каплан 30 августа 1918 г. на заводе Михельсона в Москве. Это событие советская пропаганда истолковывала как добровольную жертву человека-спасителя, сознательно подвергавшего себя опасности (поскольку он преднамеренно отказывался от телохранителей). Можно полностью согласиться с тем, что культ Ленина берет начало в публичном признании его добровольной жертвы на благо народа (см. [Тумаркин 1997, с. 82]). Более того, истоки последующей болезни Ленина первоначально искали в отравленной пуле, остававшейся в теле Ленина до операции 1922 г. Эта версия породила даже создание через полвека, в 1969 г. медицинской комиссии, в которую вошли известные ученые: Е. Шмидт, С. Саркисов, Е. Чазов и др. – с целью еще раз проанализировать историю болезни Ленина. Эта группа врачей пришла к заключению, что “вокруг пули возникла гематома, что привело к сдавливанию сонной артерии, и именно в этом месте на внутренней стенке артерии начали образовываться атеросклеротические бляшки, т.е. стал развиваться атеросклероз, который в дальнейшем привел к нарушению мозгового кровообращения” [По воспоминаниям... 1988, с. 7].

Ленинская агиография начинает складываться с 1920 г. В честь его 50-летия огромным тиражом в 200 тыс. экземпляров была издана биография. Ее написал весьма просвещенный человек, старый большевик В. Невский, позднее ставший первым директором Библиотеки им. Ленина. Детство Ленина интерпретируется в его книге в мессианских и теологических терминах как жизнь чудесного младенца, спасителя. В ней, в частности, говорится: “Когда трудящемуся народу жилось очень тяжело под гнетом помещика капиталиста, в городе Симбирске, в небогатой семье родился мальчик, которому потом выпало на долю вместе с рабочими и крестьянами отобрать у помещиков... землю, освободить рабочего... и начать коренное переустройство мира” [Невский 1920, с. 3].

Особое значение в культе Ленина – “мученика революции” имел характер болезни вождя и его относительно ранняя смерть – всего в 53 года. Характерна речь Г. Зиновьева на траурном заседании II съезда Советов СССР в 1924 г.: “Здесь у нас, в Москве, по улицам ее, от Серпуховки до дверей его кабинета, идет кровавый след, след его живой крови, и эта кровь, живая кровь, связывающая его кабинет с рабочей Москвой, с рабочими окраинами, она вошла в то море крови, которым оплачивает рабочий класс свое освобождение. Но не только кровь свою влил Владимир Ильич в это море крови, которого как искупительной жертвы требует капиталистический мир от борющегося пролетариата. Он отдал этой связи свой мозг... этот мозг слишком много работал, что наш вождь погиб потому, что не только кровь свою отдал по каплям, но и мозг свой разбросал с неслыханной щедростью, без всякой экономии, разбросал семена его как крупницы по всем концам мира, чтобы эти капли крови и мозга Владимира Ильича взошли потом полками, батальонами, дивизиями, армиями борющегося за свое освобождение человечества” [У великой... 1924, с. 250].

Похороны Ленина 27 января 1924 г. на Красной площади носили символический характер. Логично, что он был похоронен на Красной площади, которая, как уже было отмечено, выполняла с ноября 1917 г. функцию сакрального общероссийского пантеона новых святых – революционных мучеников. На II съезде Советов СССР 26 января 1924 г. И. Сталин произнес клятву в стиле православной проповеди: “Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам держать высоко и хранить в чистоте великое звание члена партии. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним эту твою заповедь!.. Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам хранить единство нашей партии, как зеницу

ока. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним и эту твою заповедь!.. Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам хранить и укреплять диктатуру пролетариата. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы не пощадим своих сил для того, чтобы выполнить с честью и эту твою заповедь!” [Сталин 1947, с. 46–51].

Мотив мученичества четко осознавался и участниками траурных мероприятий по всей России. Исследователь коммеморативных особенностей массового прощания жителей Новосибирска, Томска, Омска и Барнаула с Лениным Е. Красильникова замечает: «...хотя Ленин и умер “своей смертью”, но драматизм похоронного сценария героя не мог обойтись без религиозных мотивов мученичества в речах собравшихся. Этот шаблон, многократно применявшийся в предыдущие годы на “красных” похоронах жертв и “героев” Гражданской войны, стал неременной чертой “красных” похорон. Митинговавшие говорили: “Ты замучен тяжелой болезнью, трудной и длительной работой”. Дело революции было названо на этом митинге “святым”. Озвучена была и вера в то, что “наш учитель... сейчас пойдет к ранее павшим борцам, к своим ученикам”» [Красильникова 2014, с. 70].

* * *

Кульť революционных мучеников во главе с Лениным транслировал идею “служения людям, основанную на долге перед мертвыми, чью жизнь ты доживаешь и чье дело ты продолжаешь”. Этот культурный императив формировался посредством советских мемориальных ритуалов... Советский человек оказывался перед чреватым неврозом противоречием: для того чтобы стать бессмертным, нужно остаться в памяти народной. Для того чтобы в ней остаться, нужно совершить акт служения общему делу. В предельном случае этот акт состоит в созидании собственной смерти. Смерти особенной – красной, и – на миру. В конечном счете оказывалось, что для того чтобы избежать смерти (стать бессмертным), нужно погибнуть [Адоньева 2001, с. 153]. Замечу, что реальная жизнь Ленина – жизнь адепта новой веры, подчинившего все интересы проповеди “новой благой вести” – марксизму. В этом отношении его жизнь становится хорошо понятной через призму народнического идеала, который и сам Ленин (вспомним образ Рахметова) стремился воплотить в своей жизни. После смерти Ленина этот же образ, но уже с именем вождя большевиков, стал основой ленинского мифа. Развиваясь, он принял формы квазирелигиозного культа вождя революции. Однако, как показал дальнейший ход советской и постсоветской истории, этот миф трансформировался, сообразуясь с потребностями политической ситуации – от бессмертного вождя до порождения темных сил.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адоньева С.Б. (2001) Категория ненастоящего времени (антропологические очерки). СПб.: Петербургское Востоковедение.
- А.Д. Михайлов в крепости: (Последние прошения и письма) (1917) // Былое. № 3. С. 210 – 216.
- Безансон А. (1998) Интеллектуальные истоки ленинизма. М.: МИК.
- Бердяев Н.А. (1990) Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука.
- Валентинов Н. (1953) Встречи с Лениным. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова.
- Валентинов Н. (1992) Встречи с Лениным // Вождь: Ленин которого мы не знали. Саратов: Приволжское книжное изд-во. С. 41–52.
- Воровский В. В. (1920) В.И. Ульянов-Ленин // Красноармеец. № 21–22. С. 15–16.
- Горький М. (1924) Владимир Ильич Ленин // Коммунистический интернационал. № 12. С. 1922–1933.
- Дунаев М.М. (1997) Православие и русская литература: В 5 ч. Ч. 5. М.: Христианская литература.
- Еремеева С.А. (2014) “В вихре великом не сгинут бесследно”: новая смерть для борцов за новую жизнь // Вестник Омского университета. Серия “Исторические науки”. № 4(4). С. 23–34.
- Жукоцкий В.Д., Жукоцкая З.Р. (2008) Социально-гуманистическая парадигма русского народничества // Русская Реформация XX века: статьи по культурософии советизма. М.: Новый хронограф. С. 227–247.

- Каплун Б. (1919) Открытие временного памятника героям революции // Пламя. № 70. С. 12–13.
- Кельнер В.Е. (1991) 1 марта 1881 года: Казнь императора Александра II. Ленинград: Лениздат.
- Красильникова Е. И. (2014) Прощание с В. И. Лениным и дни памяти вождя в административных центрах Западной Сибири (1924–1941 годы): коммеморативные практики // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 13. Вып. 1: История. С. 67–76.
- Кропоткин П.А. (1988) Записки революционера. М.: Московский рабочий.
- Круглова Н. И. (2013) Жертвенность как символическое бытие: Ж. Бодрийяр, Ж. Лакан, Р. Жирар // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. № 10. С. 308–311.
- Ленин В.И. Речь при открытии мемориальной доски борцам Октябрьской революции 7 ноября 1918 г. // Полн. собр. соч. Т. 37. М.: Политиздат. С. 171–173.
- Мионов Б.Н. (2003) Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2-х тт. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Михайлов М.Л. (1917) Как начиналась Великая русская революция // Былое. № 2. С. 210–227.
- Невский В.И. (1920) В.И. Ленин // Речи и беседы агитатора. № 6. С. 3–17.
- Пименова Л. А. (1992) Идея свободы во Французской революции XVIII века // Новая и новейшая история. № 1. С. 201–214.
- По воспоминаниям Е. Чазова // Аргументы и факты (1988). № 8. С. 7–9.
- Поспелов Г. (2017) Илья Репин (1844–1930): народовольческая серия (<http://www.irina480.narod.ru/hudoj/repin/orepe/kritika/seriy.htm>).
- Революционная журналистика семидесятых годов (1907). Ростов-на-Дону: б/и.
- Рид Дж. (1987) Избранное: В 2-х кн.: Кн. 1. Десять дней, которые потрясли мир. М.: Политиздат.
- С. Степняк-Кравчинский об Ипполите Мышкине (1963) // Русская литература. № 2. С. 161–166.
- Собуль А. (1974) Первая Республика (1792–1804). М.: Прогресс.
- Сталин И.В. (1947) Соч. Т. 6. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы.
- Стенографический отчет по делу о революционной пропаганде в империи. Заседания Особого присутствия правительствующего Сената (1878) Т. 1. СПб: б/и.
- Степняк-Кравчинский С. (2014) Подпольная Россия. М.: б/и (ebook).
- Тумаркин Н. (1997) Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб.: Академический проект.
- У великой могилы (1924) М.: Изд-во газеты “Красная звезда”.
- Уорнер У. (2000) Живые и мертвые. СПб.: Университетская книга.
- Фигнер В. (1964) Запечатленный труд: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль.
- Хрестоматия по истории СССР. 1861–1917 (1990). М.: Просвещение.
- Чичерин Г.В. (1924) Молодежь должна учиться у Ленина // Молодая гвардия. № 2–3. С. 17–20.
- Яковлев В.Я. (1906) Государственные преступления в России в XIX в.: В 3 т. Т. III. Процесс 1913-х. Ростов-на-Дону: тип. Донская речь.
- Arnaudo J. (1900) Le nihilisme et les nihilistes. Paris: M. Dreyfous.
- Comte A. (1852) Catéchisme positiviste. Paris: n/d.
- Comte A. (1851–1854) Le système de politique positive. En 4 vols. Paris: n/d.
- Lavigne E. (1880) Introduction à l'histoire du nihilisme russe. Paris: Charpentier.
- Mathieu V. (1974) Phenomenologie de l'esprit revolutionnaire. Paris: Calmann-Lévy.

The cult of revolutionary martyrs and the cult of V.I. Lenin

*L. ANDREEVA**

* **Andreeva Larisa** – Doctor of Philosophical Sciences, RAS professor, Senior Researcher, Institute of African Studies, Russian Academy of Sciences. Address: 90, Profsoyuznaya str., Moscow, 117630. E-mail: ons@naukaran.com

Abstract

In the article the formation of a quasi-religious cult of revolutionary martyrs as one of the forms of "transfer of sacredness" is considering. The formation of this phenomenon in the Narodnaya Volya's movement of the second half of the XIX century in the Russian Empire is investigated. Particular attention is paid to the study of Lenin's biography through the prism of the Narodnaya Volya's ideals both lifetime and posthumous perception of V. Lenin as a martyr of the Revolution.

Keywords: cult of revolutionary martyrs, sacredness, quasi-religiousness, Narodnaya Volya, Russian Empire, V.I. Lenin.

REFERENCES

- Arnaudo J. (1900) *Le nihilisme et les nihilistes*. Paris: M. Dreyfous.
- Adon'eva S.B. (2001) *Kategoriya nenastoyashhego vremeni (antropologicheskie ocherki)* [The category of unreal time (anthropological essays)]. St.-Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.
- A.D. Mihaylov v kreposti: (Poslednie prosheniya i pis'ma) [A.D. Mihajlov in the fortress: (Latest petitions and letters)] (1917) *Byloe*, no. 3, pp. 210 – 216.
- Berdyayev N.A. (1990) Istoki i smysl russkogo kommunizma [The origins and meaning of the Russian communism]. Moscow: Nauka.
- Bezanson A. (1998) *Intelktual'nye istoki leninizma* [The intellectual origins of Leninism]. Moscow: MIK.
- Chicherin G.V. (1924) Molodezh' dolzhna učit'sya u Lenina [Young people must learn from Lenin]. *Molodaya gvardiya*, no. 2–3, pp. 17–20.
- Comte A. (1852) *Catéchisme positiviste*. Paris: n/d.
- Comte A. (1851–1854) *Le système de politique positive*. En 4 vols. Paris: n/d.
- Dunaev M.M. (1997) *Pravoslaviye i russkaya literatura* [Orthodoxy and Russian Literature]: 5 pts, part 5. Moscow: Khristianskaya literatura.
- Eremeeva S.A. (2014) "V vihre velikom ne sginut bessledno": novaya smert' dla borcov za novuyu zhizh' ["[They] won't disappear without a trace": new death for the new life's fighters]. *Vestnik Omskogo universiteta. "Historical sciences" edition*, no. 4, pp. 23–34.
- Figner V. (1964) *Zapechatlennyj trud* [Imprinted work]. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
- Gor'kiy M. (1924) Vladimir Il'ich Lenin. *Kommunisticheskij internacional*, no. 12, pp. 1922–1933.
- Hrestomatiya po istorii SSSR. 1861–1917* [Reader on the history of the USSR, 1861–1917] (1990) Moscow: Prosveschenie.
- Kaplun B. (1919) Otkrytie vremennogo pamyatnika geroyam revolyucii [The opening of a temporary monument to the heroes of the revolution]. *Plamya*, no. 70, pp. 12–13.
- Kel'ner V.E. (1991) *1 marta 1881 goda: Kazn' imperatora Aleksandra II* [March 1, 1881: The execution of Emperor Alexander II]. Leningrad: Lenizdat.
- Krasil'nikova E. I. (2014) Proshchanie s V. I. Leninym i dni pamyati vozhdya v administrativnykh tsentrakh Zapadnoy Sibiri (1924–1941 gody): kommemorativnye praktiki [Farewell to Vladimir Lenin and the days of the memory of the leader in the administrative centers of Western Siberia (1924–1941): commemorative practices]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. Vol. 13, iss. 1: Istoriya*, pp. 67–76.
- Kropotkin P.A. (1988) *Zapiski revolyucionera* [The revolutionary's notes]. Moscow: Moskovskiy rabochiy.
- Kruglova N.I. (2013) Zhertvennost' kak simvolicheskoe bytie: Zh. Bodriyayr, Zh. Lakan, R. Zhirar [Sacrifice as a symbolic being: J. Baudrillard, J. Lacan, R. Girard]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, no. 10, pp. 308–311.
- Lavigne E. (1880) *Introduction à l'histoire du nihilisme russe*. Paris: Charpentier.
- Lenin V.I. (1963) Rech' pri otkrytii memorial'noy doski bortsam oktyabr'skoy revolyucii 7 noyabrya 1918 g. [Speech at the opening of the memorial plaque to the fighters of the October Revolution on November 7, 1918]. *Polnoe sobranie sochineniy*, vol. 37. Moscow: Politizdat.
- Mathieu V. (1974) *Phénoménologie de l'esprit révolutionnaire*. Paris: Calmann-Lévy.
- Mikhailov M.L. (1917) Kak nachinalas' Velikaya russkaya revolyutsiya [How the Great Russian Revolution starts]. *Byloe*, no. 2, pp. 210–227.

- Mironov B.N. (2003) *Social'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.)* [Social history of Russia during the period of the empire (XVIII – early XX centuries]. In 2 vol., vol. 1. St.-Petersburg: Dmitriy Bulanin.
- Nensky V.I. (1920) V.I. Lenin. *Rech'i i besedy agitatora*, no. 6, pp. 3–17.
- Pimenova L.A. (1992) Ideya svobody vo Francuzskoj revoljucii XVIII veka [The idea of freedom in the French Revolution of the XVIII century]. *Novaya i novejschaya istoriya*, no. 1, pp. 201–214.
- Pospelov G. (2017) *Il'ya Repin (1844–1930): narodovol'cheskaya seriya* [Ilya Repin (1844–1930): the Narodnaya Volya's series] (<http://www.irina480.narod.ru/hudoj/repin/orepe/kritika/seriy.htm>)
- Po vospominaniyam E. Chasova [On E. Chasov's personal memories] (1988) *Argumenty i fakty*, no. 8, pp. 7–9.
- Reed J. (1987) *Izbrannoe: Desyat' dnei, kotorye potryasli mir* [Selected: Ten days that shocked the world]. *V 2-h kn.: Kn. 1*. Moscow: Politizdat.
- Revolucionnaya zhurnalistika semidesyatykh godov* [Revolutionary journalism of the seventies] (1907) Rostov-na-Donu: n/d.
- S. Stepnyak-Kravchinskij ob Ippolite Myshkine [S. Stepnyak-Kravchinsky on Ippolite Myshkin] (1963). *Russkaya literatura*, no. 2, pp. 161–166.
- Sobul' A. (1974) *Pervaya Respublika (1792–1804)* [The First Republic (1792–1804)]. Moscow: Progress.
- Stalin I.V. (1947) *Sochineniya* [Works], vol. 6. Moscow: OGIZ; Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.
- Stenograficheskij otchet po delu o revoljucionnoj propagande v imperii. Zasedaniya Osobogo prisutstviya pravitel'stvujushhego Senata [The verbatim report on the case of revolutionary propaganda in the empire. Meetings of the Special Presence of the Government Senate] (1878), vol. 1. St.-Petersburg: n/d.
- Stepnyak-Kravchinskij S. (2014) *Podpol'naya Rossiya* [The Underground Russia]. Moscow: n/d (ebook).
- Tumarkin N. (1997) *Lenin zhiv! Kul't Lenina v Sovetskoj Rossii* [Lenin is alive! The cult of Lenin in Soviet Russia]. St.-Petersburg: Akademicheskij proekt.
- Warner U. (2000) *Zhivye i mertvyje* [Alive and the Dead]. St.-Petersburg: Universitetskaya kniga.
- U velikoy mogily* [At the great grave] (1924) Moscow: “Krasnaya zvezda” Newspaper Publishers.
- Valentinov N. (1953) *Vstrechi s Leninym* [Meetings with Lenin]. New York: Chekhov Publishers.
- Valentinov N. (1992) *Vstrechi s Leninym* [Meets with Lenin]. *Vozhd': Lenin kotorogo my ne znali* [Leader: Lenin whom we did not know]. Saratov: Privolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 41–52.
- Vorovskiy V. V. (1920) V.I. Ul'yanov-Lenin. *Krasnoarmeets*, no. 21–22, pp. 15–16.
- Yakovlev V.Ya. (1906) *Gosudarstvennye prestupleniya v Rossii v XIX v.* [State crimes in Russia in the XIX century]. Vol. III. The process of the 193's. Rostov-na-Donu: Donskaya Rech' Publishers.
- Zhukockiy V. D., Zhukockaya Z. R. (2008) Social'no-gumanisticheskaya paradigma russkogo narodnichestva [Social and Humanistic Paradigm of Russian Narodism]. *Russkaya Reformaciya XX veka: stat'i po kul'turosofii sovetizma* [Russian Reformation of the 20th Century: articles on the culturology of Sovietism]. Moscow: Noviy khronograf, pp. 227–247.

© Л. Андреева, 2018